

1866
27

**ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ
ЗАПИСКИ,
ЖУРНАЛЪ,**

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ
ПО ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРѢ ВООБЩЕ И СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ,
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРѢ ВЪ ОСОБЕННОСТИ—И ПО СЛА-
ВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ, .

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. Хованскимъ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

ВЫПУСКЪ IV и V.

1868.

ВОРОНЕЖЪ.

Въ типографіи В. Гольдштейна.

СОДЕРЖАНІЕ IV и V выпуска.

НАРОДНЫЯ СУЕВѢРІЯ И ПОВѢРЬЯ.—Болѣзни по Славянскимъ преданіямъ. (Окончаніе).

А. Н. Леонасьева.

СОСТОЯНІЕ И ЗАДАЧИ ГРЕЧЕСКОЙ ЭТИМОЛОГІИ ПО КУРЦІУСУ.—Обзоръ этимологическихъ трудовъ извѣстныхъ филологовъ и лингвистовъ по сравнительному языкознанію. (Продолженіе).

М. Х. Григоревскаго.

НѢКОЛЬКО СЛОВЪ О СОДЕРЖАНІИ ПОЭЗІИ КОЛЬЦОВА. Рѣчь, произнесенная при открытіи памятника А. В. Кольцову въ Воронежѣ 27 Октября.

И. И. Рождуккина.

Лингвистическія извѣстія.

СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Чтеніе о Славянскомъ сравнительномъ языкознаніи въ Пражскомъ университетѣ Челяковского. Введеніе. Славянскія нарѣчія. Языкъ и письмо. Чер. съ Чешскаго.

И. И. Задерацкаго.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

НАУКА О ЯЗЫКѢ. Новый рядъ чтеній Макса Мюллера. Лекція 7-я «О силѣ Корней.» Переводъ съ Англійскаго.

ОБЪ ИДЕАЛѢ ВЪ ИСКУССТВѢ. Новый рядъ чтеній Г. Тэна. (Окончаніе.) Перев. съ фран.

А. Чудинова.

ОБЪ ИЗДАНИИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ“

въ 1869 году.

(годъ осьмой.)

Изданіе Филологическихъ записокъ будетъ продолжаться и въ 1869 году по той же программѣ и съ тѣмъ же направленіемъ. Представляя читателямъ самостоятельныя изслѣдованія по языку и Словесности, различныя замѣтки и наблюденія, Редакція въ то же время постоянно работилась знакомить ихъ съ методомъ изслѣдованія и со взглядами на науку языка, высказанными въ образцовыхъ сочиненіяхъ иностранныхъ ученыхъ, съ этою цѣлю она представила въ переводѣ нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій. Въ будущемъ году, по Славянскимъ нарѣчіямъ, для изученія Чешскаго языка, Редакція предполагаетъ печатать въ переводѣ Грамматику Сигмунда, которая можетъ служить образцомъ вообще для составителей грамматикъ. Сверхъ того представить Филологическія Замѣтки и сближенія въ корняхъ словъ славянскихъ и литовскихъ сравнительно съ арійскими.

Редакція употребляетъ всѣ усилія, чтобы изданіемъ своимъ принести посильную пользу въ дѣлѣ языкоученія.

Мы снова обращаемся къ начальству учебныхъ заведеній и ко всѣмъ, для кого дорого родное слово, поддержать наше изданіе выпискою своею, въ чемъ она болѣе всего нуждается; въ особенности же просимъ всѣхъ учителей Русскаго языка и Словесности, какъ специалистовъ, которымъ ближе всѣхъ должна быть извѣстна потребность въ подобномъ изданіи, оказать намъ свое просвѣщенное содѣйствіе какъ въ сотрудничествѣ, такъ и въ распространеніи нашего изданія.

Для тѣхъ, кто не знакомъ съ нашимъ изданіемъ, считаемъ нужнымъ представить здѣсь перечень семилѣтнихъ трудовъ нашихъ.

Филологическихъ Записокъ за всѣ годы. 1860.

Отъ Редакціи.

Что у насъ сдѣлано на пользу изученія Русскаго языка и что дѣлается?

Въ чемъ нуждается наша Филологическая литература?

Три направленія теоріи роднаго слова. В. А. Половцова.

Связь между фізіологіей и лингвистикой.

Взглядъ на правописаніе вообще. Движеніе правописанія. Необходимость и важность его. Отчего оно затруднительно? Разница между разговорнымъ языкомъ и письменнымъ. Разнорѣчія и пововведенія въ правописаніи. А. А. Хованскаго.

Замѣтки по всеобщей словесности; о словѣ и поэзіи вообще. (Отрывокъ изъ лекцій Амѣнтеатрова).

Введеніе въ теорію Словесности. Теорія сочиненій.

II. В. Малыгина.

О народной изустной словесности. Пр. В. Попова.

Мысли о преподаваніи Русскаго языка.

Замѣчаніе о практическомъ преподаваніи Русскаго языка.

Отношеніе слова къ мысли. В. Студенецкаго.

О среднемъ родѣ въ народномъ говорѣ Воронежской губерніи. А. А. Хованскаго.

Предметъ науки о Словесности. В. Пѣвницкаго.

Значеніе изящныхъ искусствъ вообще и поэзіи въ особенности. II. В. Малыгина.

Публичная лекція по исторіи Русской Словесности.

Е. В. Судовщикова.

Причины неуспѣшнаго преподаванія Русскаго языка въ уѣздныхъ училищахъ. Учителя К.

Сочиненіе, какъ развитіе и изложеніе мысли. Петрова.

Библиографическій указатель книгъ и статей по части языкознанія за 1859 годъ. В. И. Межсва.

Критика и библиографія: разборъ грамматикъ Михельсона, Новаковскаго, — Историческаго Очерка Русской Народной Словесности, Буслаева. Хованскаго.

Организмъ языка Беккера. (Перев. съ Нѣм.) М. К.

Заслуги Лессинга для Нѣмец. драмы. (Пер. съ Нѣм.) М. К.

1862—1863.

Логическія отношенія мыслей, какъ основа сочетанія предложений. К. Г. Говорова.

III.

Филологическія замѣтки о физиологіи звука. Петрова.
Современный взгляд на происхожденіе языка. П—аго.
Слѣды Русскаго Богатырскаго эпоса въ мифическихъ пред-
ставленіяхъ Индо-Европейскихъ народовъ.

О. И. Буслаева.

О преподаваніи Русскаго языка. А. А. Хованскаго.
Грамматическая замѣтка: Нѣсколько словъ о степеняхъ
сравненія. И. М. Желтова.

Опытъ Элементарнаго руководства при изученіи Русска-
го языка практическимъ способомъ. Элементарная
Грамматика. Курсы 1—2—3. К. Г. Говорова.

Сравнительное языкоученіе. I Очеркъ исторіи Языкозна-
нія. Филологія и Лингвистика. II Сравнительно-исто-
рическое языкознание. III Его приемы и задачи. Исто-
рія языковъ. IV Языкъ и исторія народовъ. Теорія
поэзіи. Приложенія: 1) Шлейхеровъ очеркъ исто-
ріи Славянскаго языка; 2) Сравнительно-историческое
языкознание въ Россіи. А. А. Котляревскаго.

Compendium der vergleichenden Grammatik der Indoger-
manischen Sprachen von August Schleicher. Weimar.
1862. (Библиографическая замѣтка).

Исторія Всеобщей литературы въ Россіи.

А. А. Котляревскаго.

Нѣсколько словъ о періодѣ, составляющемъ одинъ изъ
отдѣловъ грамматики. К. Г. Говорова.

О Русскомъ народномъ эпосѣ.

Введеніе. Эпосъ до-историческій. Эпосъ историче-
скій: а) Богатыри Старшіе; б) Богатыри Младшіе.
Дальнѣйшая судьба Русскаго народнаго эпоса.
Эпосъ княжескій. Слово о Полку Игоревѣ. Судь-
ба народнаго эпоса на сѣверо-востокѣ. Наши ду-
ховные стихи: а) Старшіе или былевые и б) Млад-
шіе или Псалмы. М. Ѳ. де-Пуле.

О Русской народной лирикѣ.

Историческое развитіе народной лирической поэзіи;
отношеніе ея къ народному эпосу. Великорусская
народная лирика. Историческое значеніе Велико-
русскихъ пѣсенъ. Раскольничья Лирика. Искус-
ственная пѣсня. Кольцовъ. М. Ѳ. де-Пуле.

Библиографическій указатель книгъ и статей, вышедшихъ
въ 1860, 1861 и 1862 годахъ. В. И. Межова.

Исторія Нѣмецкаго языка, Гримма. (Начало.) Переводъ—
съ Нѣмецкаго. М. Копьева.

Характеристика главныхъ типовъ языкостроения, Штейн-
ля. Перев. съ Нѣм. (Начало.) М. Копьева.

— Система Языковѣдѣнія, Гейзе. Перев. съ Нѣмецк.
И. М. Желтова.

1864.

Сказка и Миѣ. А. Н. Афанасьева.

Основной элементъ Русской богатырской быliny. Миѣ.

Сказаніе. Исторія. А. А. Котляревскаго.

Мысли о народной Психологіи. П. А. Гильтебрандта.

Женскій литературный типъ древней Руси.

И. С. Некрасова.

— О связи нѣкоторыхъ представленій въ языкѣ.

А. А. Потебни.

О Юморѣ въ сравненіи съ Сатирой. Н. И. Попова.

Народные стихи. (Библиографическая замѣтка).

— О Полногласіи. А. А. Потебни.

Грамматическія замѣтки о пояснительныхъ частицахъ:
моль, де, дескать и о нѣкоторыхъ мѣстоименіяхъ.

О Кикѣ. А. А. Сняtkова.

Критика и Библиографія. Наука о языкѣ и естество-
знаніи. П. В. Гильтебрандта.

Русская Грамматика Антонова. И. М. Желтова.

Практическіе уроки Русскаго правописанія и Христо-
матія для чтенія, А. Семенова.

А. А. Хованскаго.

Краткій обзоръ учебниковъ по исторіи древней Гре-
ческой литературы, появившихся въ новое время.

А. А. Гофмана.

Смѣсь: Разныя литературныя и лингвистическія извѣстія.

— Система Языковѣдѣнія, Гейзе. Переводъ съ Нѣмецкаго.
(Окончаніе). И. М. Желтова.

1865.

Отъ Редакціи: Наши предположенія и желанія. О вне-
сеніи въ Филологическія Записки особаго отдѣла,
подъ заглавіемъ «Славянскій Вѣстникъ» для озна-
комленія читателей съ Славянскими нарѣчіями и во-
обще для сообщенія разныхъ извѣстій по языку и
литературѣ родственныхъ намъ славянскихъ племенъ.

Столѣтнее празднество въ Воронежѣ 6 Апрѣля въ память
М. В. Ломоносова.

Народныя поэтическія представленія Радуги.

А. Н. Афанасьева.

— О звуковыхъ особенностяхъ Русскихъ нарѣчій.

А. А. Потебни.

Замѣтка на замѣтку о «Кикѣ». А. А. Потебни.
 Разныя литературныя и языкознательныя извѣстія.
 Языкъ животной и умственной жизни (особое приложение).

Д. А. Лавренка.

Языкъ и Народность. (Замѣтка). И. М. Желтова.

Критика и Библиографія. Обзоръ исторіи Славянскихъ ли-
 тературъ, А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича.

Л. Рунова.

О происхожденіи языка, соч. Э. Ренапа. (Переводъ съ
 Французскаго). А. Н. Чудинова.

Сравнительная Грамматика Индо-Европейскихъ языковъ,
 А. Шлейхера, пер. съ Нѣм. (Начало.) Д. А. Лавренка.

Наука о Языкѣ. Новый рядъ чтеній Макса Мюллера.
 Первая вступительная лекція. Съ Англійскаго.

Д. А. Лавренка.

1866.

Славянской Вѣстникъ; его значеніе.

Обзоръ Исторіи Чешской литературы и языка. Съ

Чешскаго. К. Н. Медвѣдева и И. М. Артемьева.

Славян. Семья по народ. пѣснямъ. Д. А. Лавренка.

Извѣстія о литературномъ движеніи у Славянъ.

Народная Словесность: I Народныя Болгарскія сказки;

II Сербское сказаніе о Св. Саввѣ.

Славянскія новости: Голосъ Словинской газеты въ
 пользу Русской Азбуки. Разныя извѣстія.

Оборотень въ его мимическомъ и пластическомъ олице-
 твореніяхъ. Барона Д. О. Шеппинга.

Мнѣніе проф. Харьковскаго университета П. А. Лавров-
 скаго о преподаваніи Русскаго языка съ Церковно-

Славянскимъ.

Современный взглядъ на лексикографію. Библиографическая
 замѣтка о Французскомъ словарѣ Литтрэ.

К. Боборыкина.

Краткое руководство къ изученію прозаическихъ сочине-
 ній (Особое приложение). М. О. де-Пуле.

Виды русскихъ глаголовъ. И. М. Желтова.

Мнѣніе учителя Бунакова по поводу Протокола Ком-
 мисіи для обсужденія программы по преподаванію въ
 Военныхъ гимназіяхъ Русскаго языка и Словесности.

Мысль о составленіи Христоматіи для практическихъ за-
 нятій Русскимъ языкомъ въ среднихъ учебныхъ за-
 веденіяхъ. А. А. Хованскаго.

Замѣтки о пѣкоторыхъ явленіяхъ Нѣмецкой литературы по
 языкознанію и педагогикѣ. Н. О. Бунакова.

Критика и Библиографія: Опытъ системы теоріи поэ-

- зіи въ примѣненіи къ гимназическому курсу. Харьковъ. 1866 года. П. В. М а л ы х и н а.
 Грамматическій и Психологическій Анализъ произведеній Гейне. Пособіе при изученіи Нѣмецкаго языка по Гримму, Максу-Мюллеру, Шлейхеру, Гейзе, Д. Лавренка. Кіевъ 1856 г. А. А. Хованскаго.
 С м ѣ с ь. Разныя бібліографическія литературныя и лингвистическія извѣстія и замѣтки.
 О происхожденіи языка, соч. Э. Ренана. Перев. съ Фран. (Окончаніе). А. Н. Ч у д и н о в а.
 — Наука о Языкѣ. Новый рядъ чтеній Макса Мюллера. Вторая лекція—«Языкъ и разумъ». Съ Англ.

1867.

Русская Патріотическая литература 1805—1812 г. г.

- А. Д. Г а л а х о в а.
 Нѣсколько вопросовъ, касающихся учебной грамматической практики. К. Г. Г о в о р о в а.
 О Старооскольскомъ народномъ говорѣ.
 Общій взглядъ на систему преподаванія отечественнаго языка въ 3-хъ главныхъ ея элементахъ. Статья первая. А. Н. Ч у д и н о в а.
 Мнѣніе о распредѣленіи занятій между преподавателями Русскаго языка и Словесности. К. Г. Г о в о р о в а.
 Замѣтка о важности Церковно-Славянскаго языка въ дѣлѣ народно-русскаго образованія. И. М. Ж е л т о в а.
 Аяксъ—герой Греческой поэзіи. М. Х. Г р и г о р е в с к а г о.
 Поэтъ и поэзія. (Изъ уроковъ по Русской словесности.) М. А. К о л о с о в а.
 Нѣсколько словъ объ этимологическихъ терминахъ. О. Р.
 Рѣчь по случаю юбилея митрополита Евгенія. Проф. Св. И. П а л и ц ы н а.
 Нѣсколько словъ отъ Редакціи о трудахъ митр. Евгенія.
 Разборы литературныхъ образцовъ. Двѣ пробныя лекціи по Русской словесности: 1 «Куликовская битва»—Карамзина въ сравненіи съ лѣтописнымъ рассказомъ о томъ же предметѣ по Никоновской лѣтописи. К. Г. Г о в о р о в а.
 Замѣтка объ изданіи на Русскомъ языкѣ «Германіи». По поводу составленія Хрестоматіи для практическаго преподаванія Русскаго языка въ первыхъ четырехъ классахъ. А. А. Хованскаго.
 К р и т и к а и Б и б л и о г р а ф і я.
 Съѣздъ учителей Рус. языка и Словесн. въ Казани 1866 г. А. А. Хованскаго.

Замѣтка по поводу статьи Н. М. Благовѣщенскаго: «Римскій сатирикъ Персій.» К. Нейлисова.

Замѣтка: Нѣсколько словъ о преподаваніи взыковъ въ Гимназіяхъ. П. П. Бѣляевскаго.

С м ѣ с ѣ.

Разныя литературныя и языкознательныя извѣстія.

С л а в я н с к і й В ѣ с т н и к ѣ.

Вукъ Стефановичъ Караджичъ. Л. Каравелова.

Первое научно-литературное движеніе у Русиновъ въ Галиціи со времени Австрійскаго господства въ этой странѣ. (Ст. Головацкаго.) Перев. Н. Ѳ. Бунакова.

Разныя славянскія извѣстія. А. А. Хованскаго.

Краткій очеркъ жизни и дѣятельности Фр. Челяковскаго.

Пер. съ Чешскаго. Н. И. Задерацкаго.

П р и л о ж е н і я.

— Наука о языкѣ. Новый рядъ чтеній Макса Мюллера. Лекція 3-я: Физиологическій алфавитъ; 4-я лекція: Звуковыя измѣненія, — 5-я лекція: Гриммовъ законъ; 6-я лекція: Начала этимологіи. Съ Англійскаго.

Д. А. Лавренка и Г. К. Кайзера.

Тѣмъ. «Философія Искусства». Лекціи, читанныя въ École des beaux-arts въ Парижѣ, съ прибавленіемъ статьи Стюарта Милля: «Значеніе искусства въ общей системѣ воспитанія.» Пер. съ фр. А. П. Чудинова.

О взаимныхъ отношеніяхъ мышленія и рѣчи. Профессора Иессена.

1868.

Обозрѣніе звѣринаго эпоса западной Европы. Матеріалы для сравнительнаго изученія символики животныхъ.

Д. О. Шеннинга.

Разборы литературныхъ образцовъ. II. Ода Ломоносова, выбранная изъ Гоа. III. Сказка о рыбацѣ и рыбацѣ—Пушкина. IV. Свинья—басня Крылова.

К. Г. Говорова.

Празднованіе въ Воронежѣ столѣтняго юбилея И. А. Крылова 2 февраля. Рѣчи, произнесенныя на этомъ торжествѣ.

О Русской народной поэзіи. Публичная лекція, читанная въ Харьковѣ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Проф. Н. А. Лавровскаго.

Аяксъ—герой Греческой поэзіи. М. Х. Григоревскаго.

Исторіографія. Матеріалы для исторіи словесности. Н. Ш.

Народныя суевѣрія и повѣрья. Болѣзни по Славянскимъ преданіямъ. А. Н. Афанасьева,

VIII.

Состояніе и задачи греческой этимологіи по Курціусу.

Обзоръ этимологическихъ трудовъ извѣстныхъ филологовъ и лингвистовъ по сравнительному языкознанію. М. Х. Григорьевскаго.

Басни Крылова, какъ нравственно-педагогическій матеріалъ. Рѣчь, читанная на юбилейномъ торжествѣ въ Воронежской Военной Гимназіи. Н. Ѳ. Бунакова.

О значеніи поэзіи Кольцова. Рѣчь, читанная при открытіи памятника А. В. Кольцову въ Воронежѣ 27 Октября. Н. П. Рошупкина.

Лингвистическія извѣстія.

Славянскій Вѣстникъ.

Чтеніе о сравнительномъ славянскомъ языкознаніи въ Пражскомъ университетѣ Фр. Влад. Челяковского.

Введеніе. Славянскія нарѣчія. Языкъ и письмо. Пер. съ Чешскаго. Н. П. Задерацкаго.

Приложенія.

Наука о языкѣ. Новый рядъ чтеній Макса Мюллера. Лекція 7-я: О силѣ корней.

Объ Идеалѣ въ искусствѣ. Новый рядъ чтеній Г. Тэпа пер. съ фр. (Окончаніе.) А. Н. Чудинова.

О значеніи языка для естественной исторіи человѣка. Краткое чтеніе Авг. Шлейхера, проф. Іенскаго университета. Переводъ сдѣланъ самимъ авторомъ.

Филологическія Записки издаются въ ВОРОНЕЖѢ; выходятъ безсрочными выпусками: 6 выпусковъ въ годъ.

Подписка принимается преимущественно въ самой Редакціи.

Подписная ЦѢНА шесть рублей въ годъ съ пересылкой, безъ пересылки пять.

Въ Редакціи имѣются слѣдующія изданія:

О происхожденіи языка, Э. Рена. Цѣна 1 р. съ пересылкою.

Обзоръ Исторіи Чешской литературы и языка. Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Наука о Языкѣ. Новый рядъ чтеній Макса Мюллера—шесть лекцій. Выпускъ 1-й. Пер. съ Англ. Цѣна 1 р. 40 к. съ пересылкою.

Издатель и Редакторъ А. Хованскій.

Дозволено Цензурой.

Москва 6 Декабря 1868.

Въ Типографіи

В. Гольдштейна.

НАРОДНЫЯ СУЕВѢРІЯ И ПОВѢРЬЯ.

БОЛѢЗНИ ПО СЛАВЯНСКИМЪ ПРЕДАНИЯМЪ.

(Продолженіе и окончаніе.)

Особенно интересны вѣрованія и преданія, живущія въ нашемъ народѣ — о лихорадкахъ. Названіе это происходитъ отъ глагола лихо-радѣть, т. е. дѣйствовать въ чей-нибудь вредъ, заботиться о комъ-нибудь съ злобнымъ намѣреніемъ, съ лихостью; другія общеупотребительныя названія: лиходѣйка, лихоманка отъ мануть — качать, махать (=трясти; чеш. *manouti se* — метаться; сравни: мановеніе, помаваю, манья — привидѣніе въ видѣ старой и щедушной женщины, манить — лгать, об-манывать, лихоманъ, лихоманщикъ — злой, обманчивый человѣкъ. Лихорадокъ — девять или двѣнадцать крылатыхъ сестеръ; онѣ обитаютъ въ мрачныхъ подземельяхъ ада, представляются злыми и безобразными дѣвами: чахлыми, замороженными, чувствующими всегдашній голодъ, иногда даже слѣпыми и безрукими. Одна изъ нихъ — старшая повелѣваетъ своими сестрами и посылаетъ ихъ на землю мучить людской родъ: «тѣло жечь и знобить, бѣлы кости крушить». 2-го января Морозъ или Зима выгоняетъ ихъ, вмѣстѣ съ нечистою силою, изъ ада, и лихорадки ищутъ себѣ

пристанища по теплымъ избамъ и нападаютъ на «винуватыхъ»; на зорѣ этого дня предусмотрительныя старушки омывають паговорною водою притолки у дверей, дабы заградить входъ въ избу незваннымъ гостямъ. Повѣрье это обуславливается тѣми простудами и ознобами, которыя такъ обыкновенны въ холодную пору зимы. Напротивъ о весеннихъ болѣзняхъ думаютъ, что онѣ запираются на зиму въ снѣжныя горы(=адъ) и сидятъ тамъ до начала оттепелей; когда же солнце сгонитъ снѣгъ и отогрѣетъ землю, онѣ, вслѣдъ за внешними испареніями, разбѣгаются по бѣлому свѣту тощія, заморенныя, и съ жадностью бросаются на неосторожныхъ. Уже съ 25-го февраля, по замѣчанію поселянъ, опасно предаваться сну съ ранняго вечера: можно и спать лихорадку.

Подобно Смерти и владыкѣ демоновъ (сатанѣ), лихорадки сидятъ въ подземныхъ вертепахъ заключенныя въ цѣпи, и вылетаютъ мучить народъ только тогда, когда будутъ сняты съ нихъ эти желѣзные оковы, т. е. весною. Въ Калужской губ. рассказываютъ, что старшая и злѣйшая изъ сестеръ-лихорадокъ прикована къ желѣзному стулу двѣнадцатью цѣпями и въ правой рукѣ держитъ ко сѣ, какъ сама Смерть; если она сорвется съ цѣпей и овладѣетъ человѣкомъ, то онъ непременно умретъ. Тоже преданіе у юго-западныхъ Славянъ прилагается къ моровой язвѣ: три сестры куги были заключены отцемъ своимъ-королемъ въ тѣсныя узы и томились въ темницѣ, но, впоследствии, будучи освобождены, разбрелись въ разныя стороны и донынѣ блуждаютъ по свѣту. Сбрасывая съ себя оковы, лихорадки прилетаютъ на землю, вселяются въ людей, начинаютъ ихъ трясти, ослаблять ихъ суставы и ломить кости. Измучивъ одного, лихорадка переходитъ въ другаго; при полетѣ своемъ она цѣлуетъ избранныя жертвы, и отъ прикосновенія ея усть человѣкъ немедленно заболѣваетъ; кому обмечетъ болѣзнь губы, о томъ говорятъ: «его поцѣловала лихоманка.» Точно также поражаетъ болѣзненный страданія и поцѣлуйъ ольбины. По другимъ рассказамъ, ли-

хорадка, прилетая ночью, называетъ спящихъ по имени; кто проснется и откликнется на ея зовъ, тотъ сейчасъ-же захвораетъ. Иногда она оборачивается соринкою или мухою, падаетъ въ изготовленную пищу и вмѣстѣ съ нею входитъ въ утробу человѣка. Но если кто догадается бросить эту соринку или муху въ печь, то лихорадка сгоритъ; а если вложить ее въ яичную скорлупу и повѣсить въ трубѣ—лихорадка будетъ страшно мучиться. Въ Тульской губ. увѣряютъ, что шесть сестеръ уже погибли такимъ образомъ, а три изъ нихъ порышутъ по міру. Въ прежнее время, говорятъ Чехи, было сто лихорадокъ; но одна изъ нихъ сгилла: она заползла въ кусочекъ хлѣба, намоченный въ молоко, люди узнали ея присутствіе, взяли тотъ кусочекъ, вложили въ свиной пузырь и привязали къ дереву. Заключенная въ пузырь, лихорадка начала метаться во всѣ стороны—точно также, какъ дѣлаетъ каждая изъ нихъ, входя внутрь человѣка, и долго-долго возилась она, пока совсѣмъ не задохлась *).

Боясь раздражить злобную, демоническую дѣву, простолудинъ не всегда рѣшится назвать лихорадку ея настоящимъ именемъ, а даетъ ей названія ласкательныя, дружескія, съ цѣлю задобрить ее и отклонить отъ себя болѣзненные припадки; таковы названія: кумà (кумàха), добруха, тѣтка (тятюха), подруга и дитюха (дитя?). Съ тою-же цѣлю Сербы, во время моровой язвы, называютъ ее кумою, а Нѣмцы—*gevatterin*; вообще имена болѣзней принято въ Германіи замѣнять выраженіями: *das gute, gesegnete, selige*. Временный роздыхъ, даваемый больному перемежающейся лихорадкою, народъ объясняетъ тѣмъ, что у нея много дѣла, и потому она переходитъ отъ одного человѣка къ другому, возвращаясь къ каждому изъ нихъ поочередно—

*) Нѣмецкая сага рассказываетъ, что одного бѣдняка давилъ по ночамъ эльфъ. но когда вносили въ комнату зажженную свѣчу, онъ оборачивался въ соломинку или перо. Догадались сжечь эту соломинку, и мучительный эльфъ уже болѣе не являлся.

черезъ день, черезъ два или три дня; нѣкоторые же увѣряютъ, что въ дни, свободные отъ параксизмовъ, она предается сну. Постоянную, ежедневную лихорадку Малоруссы называютъ: *трясця-невсипуха*. Отсюда суетвѣрные попытки переводить лихорадку съ себя на перваго встрѣчнаго, даже на птицъ, кошекъ и собакъ, въ которыхъ такъ охотно вселяются нечистые духи, или обманывать ее ложною надписью на дверяхъ избы, что больного нѣтъ дома. Такъ поступаютъ Русскіе и Чехи; послѣдніе пишутъ на дверяхъ: *«zemnice! (лихорадка) peshod' k nam; Jenik (имя больного) nepi doma, šel na hogu»*. Въ Смоленской губ. и во время скотскихъ падежей, надписываютъ на воротахъ, что на дворѣ нѣтъ ни коровъ, ни овецъ, ни лошадей. Сибиряки совѣтуютъ больному чернить свое лицо и одѣваться въ чужое платье, чтобы не быть узнану злою лихоманкою, когда она вздумаетъ повторить свое посѣщеніе. Сверхъ того, чтобы избавиться отъ лихорадки, ее умилоствуютъ приношеніями, или прогоняютъ силою чародѣйнаго слова. Страждущіе этимъ недугомъ, выходятъ на то мѣсто, гдѣ, по ихъ соображенію, вселилась въ нихъ лихоманка, обсыпаютъ вокругъ себя ячневою крупю, и, раскланиваясь на всѣ стороны, произносятъ: «прости, сторонамать сыра земля! вотъ тебѣ крупницъ на кашу; вотъ и тебѣ, кумаха!»

Обращеніе къ землѣ знаменательно, такъ какъ въ ея нѣдрахъ заключенъ тотъ страшный міръ, гдѣ царствуетъ Смерть съ своими помощницами—болѣзнями и плѣбниками—мертвецами. Бѣлоруссы на поминки («дзяды»), вмѣстѣ съ усопшими родичами, приглашаютъ къ ужину и лихорадку. Первобытная, народная медицина состояла въ произнесеніи молитвъ и заклятій, въ призывѣ боговъ-исцѣлителей, въ изгнаніи демоновъ и въ совершеніи различныхъ символическихъ и жертвенныхъ обрядовъ; она была дѣломъ исключительно религіознымъ. Древнѣйшія имена лѣкаря означаютъ: жертвоприносителя, заклинателя, колдуна; искусство врачебное ограничивалось знаніемъ клятвенныхъ формулъ—заговоровъ. За это свидѣ-

тельствуютъ—Атарва-Веда, Гомеръ, Пиндаръ и другіе античные писатели; за это-же говорятъ и многочисленныя преданія и обломки стародавнихъ заклатій, донныѣ сохраняемые въ памяти индоевропейскихъ народовъ. Въ высшей степени важнымъ и драгоцѣннымъ представляется намъ заговоръ противъ лихорадокъ, занесенный во многія изъ нашихъ старинныхъ рукописей и до настоящаго времени еще незабытый русскими знахарями.

«При морѣ черномъ стоитъ столпъ, на томъ столпѣ камень, на томъ камнѣ сидитъ святой отецъ Сисиній и зритъ на море черное. И возмутися море до облакъ—изыдоша изъ моря двѣнадцать женъ простоволосыхъ, окаянное дьявольское видѣніе.» (По нѣкоторымъ спискамъ жены эти исходятъ изъ огненнаго столпа, утвержденнаго на небеси.) «И вопросиша ихъ святой отецъ Сисиній: что есть злыя жены звѣрообразны? Онѣ же отвѣща ему: мы—окайныя трясавицы, дщери Ирода, снявшаго съ Іоанна Предтечи главу. Вопросы св. отецъ Сисиній: почто пришли?—Идемъ въ землю святиорусскую родъ человѣческій мучити—тѣло повреждати, кости ломати, въ гробъ вгнати (или: кости крушить, жилы тянуть, самихъ людей огнемъ жечь); аще кто зло творить, опивается, объѣдается, объдни и заутрини просыпаетъ, Богу не молится, тѣхъ мучимъ разными мѹками: они наши угодницы. Помолися Богу св. отецъ Сисиній: Господи! избави родъ христіанскій отъ таковыхъ діаволовъ. И посла Господь Михаила Архангела и четырехъ Евангелистовъ, повелѣ ихъ (трясавицъ) мучити тремя (или семью) прутьями желѣзными, давая имъ по триста ранъ на день.» Имена Архангела Михаила и святыхъ угодниковъ нерѣдко замѣняются и дополняются другими. Въ одномъ спискѣ семь святителей и между ними Егорій Храбрый, Іоаннъ-Креститель и св. Николай увидѣли двѣнадцать лихоманокъ, плавающихъ по морю и воздымающихъ бурю. «Онѣ же начаша молитися: святой отецъ Сисиній, Михайль-Архангелъ, четыре Евангелиста: Лука, Марко, Матѣей, Іоаннъ! не мучьте насъ: гдѣ мы заслышимъ—въ кото-

ромъ роду прославятся ваши имена, и того роду станемъ бѣгать за десять верстъ. И вопросы ихъ св. отецъ Сисиній: какъ вамъ, діаволы, имена?» Лихорадки исчисляють свои названія и описываютъ тѣ муки, которыми каждая изъ нихъ терзаетъ больного. Вотъ эти названія: 1) трясѣя (тресучка, трясунница, въ областныхъ говорахъ: потресуха, трясучка, трясца отъ глагола трясти; въ старинныхъ поучительныхъ словахъ XV—XVI стол. упоминается про «неомощнаго бѣса, глаголемаго трясцю»; сравни нѣмецкое выраженіе: «dass dich der ritt (лихорадка) s chüttel! 2) Огнея или огненная: «когого челоуѣка поймаю (говоритъ она о себѣ), тотъ разгорится аки пламень въ печи», т. е. она производитъ внутренній жаръ. Въ Швейцаріи лихорадку называютъ hitz и brand; англосакс. âdl—жгучая болѣзнь отъ âd—ignis; Персы олицетворяютъ ее румяною дѣвою съ огненными волосами. Южно-славянское названіе грозница ставитъ лихорадку въ связь съ грозовымъ пламенемъ, съ молніеносными стрѣлами. 3) Ледѣя (ледиха) или зноба (знобея, забуха): аки ледъ знобитъ родъ челоуѣчскій, и кого она мучитъ, тотъ не можетъ и въ печи согрѣться; въ областныхъ нарѣчіяхъ даются лихорадкѣ названія: студѣнка (отъ студа=стужа), знобуха и подрожье (отъ слова дрожь), а у Чеховъ—зимница. 4) Гнетѣя (гнетница, гнетуха, гнетучка отъ слова гнѣтъ, гнести—давить): она ложится у челоуѣка на ребра, гнететъ его утробу, лишаетъ аппетита и производитъ рвоту. 5) Грынуша (?) или грудица (грудѣя)—ложится на груди, у сердца, и причиняетъ хрипоту и харканье. 6) Глухѣя (глохня—налегаетъ на голову, ломитъ ее и закладываетъ уши, отчего больной глохнетъ. 7) Ломѣя (ломеня, ломовая) или костоломка: «аки сильная буря древо ломитъ, такоже и она ломаетъ кости и спину». 8) Пухнѣя, пухлѣя, пухлая), дѣтиха или отѣчная—пускаетъ по всему тѣлу отѣкъ (опухоль), 9) Желтѣя (желтуха, желтуница): эта желтитъ челоуѣка,

«аки цвѣтъ въ полѣ». 10) Коркуша или корчѣя (скорчѣя)—ручныя и ножныя жилы сводить, т. е. корчитъ. 11) Глядѣя—не даетъ спать больному (=не позволяетъ ему сомкнуть очи, откуда объясняется и данное ей имя); вмѣстѣ съ нею приступаютъ къ человѣку бѣсы и сводятъ его съ ума. 12) Огнестра и Невѣя=испорченное стар. пѣва—смерть или навье—мертвецъ, что служить новымъ подтвержденіемъ миѣической связи демоновъ-болѣзней съ тѣнями усопшихъ. Невѣя (мертвящая)—всѣмъ лихорадкамъ сестра старѣйшая, и лясавица, ради которой отсѣчена была голова Иоанну Предтечи; она всѣхъ проклятѣ, и если вселится въ человѣка—онъ уже не избѣгнетъ смерти. Въ замѣну этихъ именъ ставятъ еще слѣдующія: сухота (сухѣя), отъ которой изсыхаетъ больной, аки древо; зѣвота, блевота, потягота, сонная, блѣдная, легкая, вешняя, листопадная (т. е. осенняя), водяная и синяя (старинный эпитетъ огня и молніи).

Ясно, что съ лихорадками народъ соединяетъ болѣе широкое понятіе, нежели какое признаетъ за ними ученая медицина. Къ разряду этихъ миѣическихъ сестеръ онъ относитъ и другіе недуги, какъ наприм. горячку, сухотку, разлитіе желчи и проч.: знакъ, что въ древнѣйшую эпоху имя «лихорадка», согласно съ буквальнымъ его значеніемъ, прилагалось ко всякой вообще болѣзни. Тождество внѣшнихъ признаковъ и ощущеній, порождаемыхъ различными недугами, заставляло давать имъ одинаковыя или сходныя по корню названія, и такимъ образомъ смѣшивать ихъ въ одно общее представленіе злыхъ, демоническихъ силъ; сравни: огнестра—лихорадка и горячка, называемая въ простонародьи огневницею и палачкою; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, вмѣсто сестеръ-трясавицъ, рассказываютъ о двѣнадцати безобразныхъ старухахъ—горячкахъ; огники—красная сыпь по тѣлу, золотуха—въ областныхъ говорахъ огника (огница) и красуха, изжога—боль подъ ложечкой; у Нѣмцевъ корь—*götheln*, рожа—*gose*,

rothlauf. Эпитеты: красный, желтый, золотой изстари служили для обозначенія огня, и въ заговорахъ лихорадка называется не только желтухою, но и златеницею. Сухота — имя, свидѣтельствующее о внутреннемъ жарѣ, сближаетъ одну изъ лихорадокъ съ сухоткою; у Сербовъ суха болестъ, сушица—dögrsucht; Бѣлоруссы называютъ чахотку—сухоты. Вслѣдъ за приведеннымъ нами сказаніемъ о встрѣчѣ отца Сисинія съ лихорадками предлагается самое заклятіе: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа, окаянныя трасавицы! заклинаю васъ святымъ отцемъ Сисиніемъ, Михаиломъ-Архангеломъ и четырьмя Евангелистами: побѣдите отъ раба божія (имярекъ) за три дни, за три поприща; аще не побѣдите отъ раба божія, то призову на васъ великаго апостола Сисинія, Михаила-Архангела и четырехъ Евангелистовъ—Луку, Марка, Матѳея, Іоанна, и учнутъ васъ мучити, даючи вамъ по триста ранъ на день.» Къ этой угрозы иныя списки прибавляютъ, куда именно должны удалиться злобныя жены: «подите вы въ темныя лѣса, на гнилыя колоды» или «въ мѣста пусты и безводны.» Заговоръ долженъ быть прочитанъ священникомъ, и затѣмъ больному даютъ испить воды со креста, произнося слѣдующія слова: «крестъ—христіаномъ хранитель, крестъ—ангеломъ слава, крестъ—царемъ держава, крестъ—недугомъ, бѣсомъ и трасавицемъ прогонитель, крестъ—рабу божію (имярекъ) огражденіе!» Для сличенія приводимъ текстъ заговора, записанный въ «Сборникѣ» Сахарова: «На горахъ Аѳонскихъ стоитъ дубъ мокрецкой, подъ тѣмъ дубомъ сидятъ тридцать старцевъ со старцемъ Пафнутіемъ. Идутъ къ нимъ двѣнадцать дѣвицъ простоволосыхъ, простопопыхъ. И рече старецъ Пафнутій съ тремядесятью старцами: кто сіи къ намъ идоша? И рече (рекутъ) ему двѣнадцать дѣвицъ: есмь мы царя Ирода дщери, идемъ на весь міръ кости знобить, тѣло мучить. И рече старецъ Пафнутій своимъ старцамъ: сломите по три прута, тѣмъ станемъ ихъ бити по три зори утрен-

нихъ, по три зори вечернихъ. Взмолитесь двѣнадцать дѣвъ къ тринадцать старцамъ со старцемъ Пафнугіемъ, и не почто-же бысть ихъ мольба! И начаша ихъ старцы бити, глаголя: ой вы еси двѣнадцать дѣвицы! будьте вы тресуницы, водяницы—раслабленные и живите на водѣ-студеницѣ, въ міръ не ходите, кости не знобите, тѣла не мучьте... Заговариваю я раба (такого-то) отъ изсушенія лихорадки. Будьте вы прокляты двѣнадцать дѣвицъ въ тартарары, отыдите отъ раба (имярекъ) въ лѣса темные, на древа сухія.» Въ другихъ заговорахъ злые недуги съ принедами и полунедами отсылаются въ океанъ-море, въ бездны преисподнія, въ котлы кипучіе, въ жаръ палючій, въ сѣру горючую, во тьму крошечную, т. е. въ адъ. Колючку грозитъ заклинатель заключить въ нѣдра земли, свербежъ утопить въ горячей водѣ, стрѣльбу залить кипучей смолою, огневицу заморозить крещенскими морозами, ломотье сокрушить о камень, и т. дал.

Малороссійскіе заговоры гонятъ лихоманокъ и другія болести въ дебри, болота и пустыни безлюдныя: «вамъ, уроки, у раба божого не стояты, жовтой кости не лома ты, червоной крови не пыты, сердца его не нудыты, бѣлого тѣла не сушыты; вамъ идты на мѣхъ, на темныя луга, на густыя очерета, на сухіе лѣса!»—«Иди ты соби, уроки, на яры, на лѣса дремучи, на степи степучи, дѣ гласъ чоловічий не заходить, дѣ пивни не спиваютъ.»—«Чи ти гнетуха, чи ти трясуха, чи ти водяна, чи ти витрова, чи ти вихрова... буду я тобі лице заливати, буду тобі очи выпикати, буду тебе молитвами заклипати, буду съ христьянскою вири висилати. Иди соби, дѣ собаки небрешутъ, дѣ кури не поютъ, дѣ христьянскій голосъ не ходетъ. Чешское заклятіе XIII-го вѣка посылаетъ нечистую силу (*siemě proklate*) въ пустыни—«*na púšci jděte, anikomu neškod'te*» Въ настоящее время Чехи прибѣгаютъ къ такимъ фор-

муламъ: «já vyháním oubutě (сухотку) z tvého těla do moře—vodu přelévati a písek přesejpati, kosti nelámati a žily nežkubati, a krev necusati a maso netrhati, a přirozenému pokoj dati.»—«Letěly tři střelci, zastavili jsou se v mé hlavě, v můsh uších v mysh zubech, a já je zaklínám». Во имя Отца и Сына и Св. Духа: если вы съ вѣтру—идите на вѣтеръ и ломайте деревья въ густыхъ борахъ, если съ воды—ступайте на воду и крутите песокъ въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ, если со скалъ—идите въ скалы и ломайте камни, а мнѣ, моеи голови, ушамъ и зубамъ дайте покой.—«Zaklínám vás, rakostnice—růžovnice, kostnice, do lesa hlubokého, do dubu vysokého do dřeva stejatého i ležatého; tam sebou mlat'te a třeškejte, a této osobě pokoj dejte... si li zouroku, jdi do ohně; lsi li z vody, jdi do moře; v moři važ vodu, počítej písek» (въ морѣ ищери воду, сочи песокъ). Подобныя же заклія обращаютъ Нѣмцы къ эльфамъ; по ихъ мнѣнію, тѣ деревья засыхаютъ, на которыя будетъ передана болѣзнь. Индѣйскій врачъ гналъ лихорадку въ лѣсъ и горы; повинувся нашему слову, водные духи (ансарасы) должны были удалиться въ глубокіе источники и деревья.

Заговоръ на изгнаніе лихорадокъ, обращенный къ св. Сисинію, упоминается уже въ статьѣ «О книгахъ истинныхъ и ложныхъ»; большая часть списковъ этой статьи принадлежитъ XVI и XVII столѣтіямъ, а древѣйшая ея редакція, какая извѣстна нынѣ, найдена въ Помоканонѣ XIV-го вѣка. Здѣсь читаемъ: «вопросы Іереміа къ Богородици о педузѣ естественѣмъ и еже именуютъ трясавици—басни суть Іереміа, пона болгарскаго; глаголетъ бо окоянный сей, яко сѣдѣшу святому Сисинію на горѣ Синаистѣй—и видѣ седмъ жонъ исходящи отъ моря, и Ангела Михаѣла именуетъ, и иная изыдоша седмъ ангель, седмъ свѣщъ держаще, седмъ поже въ остріи, еже на соблазнъ людемъ многымъ, и седмъ дщерій Иродовыхъ трясцами басньствоваше, сихъ-же ни евангелисты, ни единъ отъ свѣтыхъ—седмъ именована но едина, испросивша главу Предотечеву, о ней-же явѣ

есть, яко и та дщи Филиппова, а не Иродова.» Это свидѣтельствуеъ за южнославянское происхождение заговора, что вмѣстѣ съ памятниками болгарской письменности проникло къ намъ и заклятіе противъ лихорадокъ, составленіе котораго приписывается попу Іереміи.

Какъ множество другихъ апокрифическихъ сказаній, такъ и заклятіе Іереміи создано подъ непосредственнымъ вліяніемъ древне-языческихъ воззрѣній, общихъ болгарамъ со всеми прочими славянскими племенами, и этотъ-то національный характеръ представленій, занесенныхъ въ «отреченную» молитву, доставилъ ей легкій доступъ въ массы русскаго населенія. Не смотря на христіанскую примѣсь, въ ней весьма явственны черты такъ называемой естественной религіи (религіи природы). Святые и ангелы, наказующіе женъ-лихорадокъ прутьями и ножами, очевидно заступили мѣсто древняго громовника и его спутниковъ, которые разятъ нечистую силу молніями, или—выражаясь поэтическимъ языкомъ—бичами, прутьями, палицами, сѣкирами и другимъ острымъ оружіемъ; потому они возсѣдаютъ на каменномъ столбѣ, т. е. въ грозовомъ облакѣ, ибо камень (скала) и столбъ (башня)—метафоры облаковъ. Изъ различныхъ воззрѣній на природу раждались и различныя мѣстическія представленія: безсмертные владыки, то помрачающіе небо тучами, посылающіе градъ, стужу и бури, то разгоняющіе демоновъ мрака и дарующіе свѣтлые дни, являлись народному воображенію не только грозными карателями людей и животныхъ, метателями моровыхъ стрѣлъ, но и богами-спасителями (σωτήρες), силою которыхъ прогоняются злые недуги. Такъ Индра исцѣляетъ отъ наложныхъ болѣзней и червей, а Тунаръ гонитъ изъ тѣла wîgmeg, т. е. мучительныхъ эльфовъ. Сестры-лихорадки отождествляются въ заговорѣ съ тѣми стихійными демонами, съ которыми обыкновенно сражался Перунъ: онѣ исходятъ изъ (дождеваго) моря или огненнаго столба (=грозовой тучи), воздымають страшную бурю и разбѣгаются только отъ ударовъ (молніеисныхъ) прутьевъ. «Простоволосыя» и «простопопсыя», т. е. съ длинными

распущенными косами и въ легкихъ, свободно-развѣвающихся по вѣтру (неподпоясанныхъ) одеждахъ, онѣ напоминаютъ этими признаками облачныхъ женъ и дѣвъ; сверхъ того, имъ даются и крылья—эмблема быстрого полета облаковъ и вихрей.

Выше объяснено, что въ стремительныхъ вихряхъ предки наши усматривали пляску духовъ и нимфъ, и что въ эпоху христіанскую представленіе это было перенесено на Проди́аду, которая славилась нѣкогда своими искусными танцами. Такое смѣшеніе тѣмъ болѣе понятно, что самъ демоническій змѣй (=сатана) называется въ народныхъ сказкахъ Иродомъ. Въ связи съ этимъ, дѣвы воспалающихъ и знобящихъ болѣзней были признаны дочерьми Ирода и старшая изъ нихъ стала обозначаться именемъ п л а с а в и ц ы. По чешскому повѣрью лихорадки живутъ въ прудахъ и колодцахъ, и потому бываетъ время, когда никто не рѣшается пить оттуда воду. Заболѣвшій лихорадкою идетъ передъ восходомъ солнца къ колодцу и причитываетъ: «studně-studnice! nechod' na mne zímnice; Maria-panna zapovídá, a bys na mne nechodila.» Въ Орловской губ. больного купаютъ въ отварѣ липоваго цвѣта, а спящую съ него р у б а х у онъ долженъ раннимъ утромъ отнести къ рѣкѣ, б р о с и т ь ее въ в о д у и промолвить: «матушка-ворогуня! на тебѣ рубашку съ раба божьего (имярекъ), а ты отъ меня откачнись прочь! Затѣмъ онъ возвращается домой м о л ч а и не о г л я д ы в а е т с я. Согласно съ стихійною природою женъ-лихорадокъ, онѣ прогоняются въ океанъ-море (=небо), въ студенцы и болота (=дождевые источники), въ скалы и горы (=тучи), въ камыши и деревья (=небесныя рощи), въ огонь и вѣтры, словомъ—въ жилища водяныхъ, лѣсныхъ, эльфовъ и нечистыхъ духовъ. Не смотря на запретъ статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, въ самой иконописи до конца XVII вѣка было распространено изображеніе двѣнадцати трясавицъ; онѣ представлялись въ видѣ женщинъ и перѣдко обнаженныя, съ крыльями летучей мыши, такъ какъ эта послѣдняя служила символомъ почи. Отличительный харак-

теръ каждой изъ нихъ живопись обознала разными красками: одна лихорадка—вся бѣлая, другая—желтая, красная, синяя, зеленая (=лѣсная) и т. дал. Въ XVII вѣкѣ, при значительныхъ успѣхахъ техники, эти женскія фигуры отличаются даже нѣкоторымъ благообразіемъ. На верху, въ облакахъ, видны ангелы и между ними одинъ, который направляетъ на трисавицъ копье и хочетъ низвергнуть ихъ въ отверстую пропасть, а на пригоркѣ—колѣнопреклоненный и молящійся св. Сисиній. Чехи противопоставляютъ демонамъ-болѣзнямъ Христа и св. Аполону. Встрѣчаетъ Христосъ psotníka (спазмы и конвульси) и спрашиваетъ: «kam ty jdes, psotniku?»—Ja jdu do života té a té osoby—maso jisti, krev piti, žily trhati, kosti lámati chut' k jidlu a k piti bráti, a spani mu odjímati. Христосъ приказываетъ болѣзни выступить изъ человѣка, не мучить его ни днемъ, ни ночью, и удалиться въ темные лѣса. Или: chodili střelci střelice po horách, po krajínach; повстрѣчали св. Аполону, и на вопросъ ея: куда идете?—отвѣчали: идемъ къ такому-то человѣку мозгъ ѣсти, кровь пить, мясо драти, кости ломати. И рекла имъ Аполена: воротитесь и дайте человѣку покой. Подобныя-же заклія извѣстны и между другими народами. Я. Гриммъ приводитъ заговоръ, въ которомъ упоминаются семьдесятъ семь nöschen (подъ именемъ nöschen разумѣется бѣсъ падушей болѣзни); «wir wend gohn in das haus des menschen, und ihm sein blut saugen, und sein bein nagen, und sein fleisch essen.» Духи эти изроняются въ сухое дерево: «ich gebeut dir nössh mit allen deinen gesellen, dann mit dir ist der stech (колотье) und der krampf (спазмы) und gespat (?) und geschoss (стрѣла) und geicht (ломъ) und gesicht (сглазъ, изуроченье)...» Грузины произносятъ слѣдующій заговоръ противъ чesotki: «гой ты, jelo-jelo (=ѣлчій), юродивый, безпріютный! Откуда исходишь ты и куда входишь?—Исхожу я изъ черной скалы, вхожу въ тѣло человѣка, обдираю плоть, гложу кости, пью кровь.—Нѣтъ, не позволю тебѣ войти въ человѣка; раздроблю тебя на

мелкія части, брошу въ мѣдный котелъ, раскалю его огнемъ и жупеломъ сѣрнымъ. Удалися, отвяжися отъ раба божьего (имярекъ) Аминь.» На ряду съ заклѣтіями, обращенными на трясавицъ, индексъ запретныхъ книгъ осуждаетъ также и «сживыя врачевальныя молитвы о нежитѣхъ». Въ одной пергаментной сербской рукописи записано пять заговоровъ противъ нежити или нежитя; изъ нихъ два были сообщены г. Буслаевымъ: а) «Сходящю нежиту отъ сухаго (=огненнаго) мора (я) и сходящу Іисусу отъ небесе, «и рече ему Іисусъ: камо идеши, нежите? Рече ему нежитъ: сѣмо иду, господине, въ члвчю главу мозга «срѣчати, челюсти прѣломити, зубы ихъ ронити, шіе ихъ «кривити и уши ихъ оглушити, очи ихъ ослѣпити, носа «гугнати, крове ихъ проліати, вѣка ихъ неупити, устъны «ихъ кривити и удовъ ихъ раслаблати, жилъ ихъ умртвити, «тѣла измѣждати, лѣпоту ихъ измѣнити, бѣсомъ мучити «е. И рече ему Іисусъ: обратисе, нежите! иди въ пустую гору и въ пустыню, обрѣти ту елѣну главу и «вѣселисе въ ню, тѣ бо все трыпѣть и все страждеть... «иди въ каменіе, тѣ бо все трыпѣть—зиму и знои и «всѣко плодство, тѣ бо о(тѣ) твари жестоко есть, въ «себѣ дръжати те сильно есть. Нежить! да ту имѣи жилище, допѣдѣже небо и земля мимоидеть и кончается; «отниди отъ раба божія» (имрекъ).» «Святы Михайль-Гавриль гредѣше, возъмь желѣзны лукъ и желѣзные стрѣлы, стрѣлати хоте елѣна и елѣну, и не «робѣте ту елѣна и елѣну, нѣ обрѣте пижита, иже «сѣдѣше, камы рацѣпивъ; и выпроси его: что ты еси иже «сѣдиши, камы разѣпивъ? *) Отвѣщавъ ему: азъ есмь нежитъ, иже чловѣче главе рацѣплю и мозгѣ исрѣчу, «кръвю ему пролѣю. И рече му Михайль-Гавриль: проклетъ нежите! не мозга срѣчи, ни главы рацѣпи, нѣ «(но) иди въ пустую гору и вылѣзи въ елѣну главу; та «ти есть трыпѣлива трыпѣти то. Аще ли те по семь дни «обрѣшу, любо те посѣку, любо те прострѣлю. И

*) Расщепя (расколовъ) камень.

«възъмолисе нежить: не посѣци, ни прострѣли мене, да обѣжу въ гору и вѣлѣзу въ елѣну главу.» Сходство этихъ старинныхъ заговоровъ съ приведенными выше заклинаніями лихорадокъ и другихъ недуговъ очевидно для всякаго: и здѣсь — также встрѣча благаго божества съ злымъ духомъ болѣзней, тѣже вопросы и отвѣты и тоже изгнаніе демона въ каменныя пустыни побѣдоноснымъ оружіемъ громовника. Архистратиги небесныхъ воинствъ поражаютъ нежитя желѣзными стрѣлами (молніями); тѣмъ же оружіемъ наносятся раны демонамъ-болѣзнямъ и по свидѣтельству русскихъ народныхъ заговоровъ: «на окіанѣ-морѣ стоить золотъ стулъ, на золотѣ стулѣ сидитъ св. Николай, держитъ золотъ лукъ, натягиваетъ шелковую тетивку, накладываетъ каленую стрѣлу, станеть уроки и призоры стрѣлять». Въ Воронежской и Владимірской губ., въ случаѣ глазнаго ячменя, подносятъ къ больному мѣсту кукишъ и приговариваютъ: «ячмень, ячмень! на тебѣ кукишъ; что хочешь — то купишъ, купи себѣ топорокъ, сруби себя по перекъ!» Существительное нежить донынѣ употребляется въ областныхъ говорахъ сѣверной Россіи, какъ собирательное имя нечистой силы: домовыхъ, водяныхъ, русалокъ и проч. Въ Чешскомъ языкѣ nežit — названіе болѣзни. Слово это образовалось отъ глагола жити съ отрицательною частицею не, и по значенію своему прямо соотвѣтствуетъ Моранѣ (смерти) и повальнымъ болѣзнямъ, извѣстнымъ у Славянъ подъ общимъ названіемъ мора.

Древне-эпическія формулы заговоровъ, призывающіе на демоновъ карающее оружіе бога-громовника, мало-по-малу стали переводиться въ дѣйствіе; въ народной медицинѣ принято сопровождать заговоры различными символическими обрядами, главное назначеніе которыхъ наносить болѣзнямъ раны, разить ихъ и изгонять изъ человеческого тѣла. Захворалъ ли кто утиномъ (боль поясицы), знахарка приказываетъ ему лечь ничкомъ на порогъ избы, т. е. у растворенныхъ дверей, которыми должна удалиться болѣзнь; затѣмъ кладетъ ему на поясъ

ницу березовый вѣникъ, и тихо ударяя обухомъ топора или касаремъ по вѣнику, причитываетъ: «сѣку-сѣку, присѣкаю; рублю-рублю, прирубаю!»—Что, бабушка, сѣчешь? спрашиваетъ больной. «Утинъ сѣку!»—Сѣки да гораздо, чтобъ не было его! Эти вопросы и отвѣты повторяются до трехъ разъ. Вѣникъ—эмблема вихря, разсѣвающаго вредныя испаренія и туманы. Когда у дѣтей бываетъ «почесуха»—крестьянки парятъ ихъ ольховыми вѣниками, которые потомъ выбрасываютъ на воздухъ, съ приговоромъ: «съ вѣтру пришло, на вѣтеръ и поди!» *) Ничего такъ не боится куга (олицетвореніе мороваго повѣтрія,) какъ метлы и ожога (кочерги, символа громовой палицы.) Въмѣсто топора, нерѣдко прибѣгаютъ къ помощи зубовъ на основаніи той древней метафоры, которая уподобляла молніи—золотымъ зубамъ, всегда готовымъ растерзать демона. Такъ страдающіе грызью (ломомъ на рукахъ и ногахъ) призываютъ къ себѣ мальчика и заставляютъ его кусать колѣно больной ноги или локоть руки, при чемъ ведется слѣдующій разговоръ: «что грызешь?»—Грызь грызу.»Гризи да гораздо!» Отъ сибирской язвы кладутъ на опухоль тряпку и со всѣхъ сторонъ обкусываютъ больное мѣсто; ребенку, у котораго разстроены желудокъ, трижды кусаютъ слегка пупокъ. Отъ головной боли лѣчатъ такъ: наклоняютъ голову больного, обвиваютъ около указательнаго пальца прядь его волосъ и прикусываютъ ихъ зубами у самаго корня. Чтобы охранить себя отъ порчи, поселяне запасаются обломкомъ отъ лезвія косы и посятъ его въ правомъ сапогѣ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ знахари обрѣзываютъ съ рукъ и ногъ больного ногти, кладутъ ихъ въ нарочно-сдѣланное въ яйцѣ отверстіе, залѣпливаютъ это отверстіе воскомъ и относятъ яйцо въ лѣсъ, съ тайною надеждою, что какая-нибудь хищная птица унесетъ его вмѣстѣ съ болѣзнію: смыслъ обряда—

*) Въ Владимірской губерніи больные снимаютъ съ себя нижнее платье, бросаютъ его въ полночь за окошко на вѣтеръ.

тотъ, что у демона-болѣзни остригаются ея острые когти, и сама она предается во власть крылатаго вихря, который долженъ унести ее въ дальнія, пустынные мѣста. Убѣжденные, что пламя грозы пожигаетъ нечистую силу, а дождевые ливни смываютъ, топятъ ее, предки наши лѣчили болѣзни огнемъ и водою. Какъ скоро почувствуетъ кто-нибудь изъ домашнихъ легкій ознобъ или жаръ, наклонность ко сну, ломоту и потяготу, крестьяне тотчасъ-же черпаютъ ключевую воду, кладутъ въ нее горячія уголья и щепотъ печной золы, дуютъ на воду три раза, мѣшаютъ ее остриемъ ножа и читаютъ заговоръ; затѣмъ сбрызгиваютъ больного, смачиваютъ ему грудь, руки, ноги, спину, или даютъ выпить нѣсколько глотковъ. Приготовленная такимъ образомъ вода получаетъ цѣлебныя, живительныя свойства дождя; горячіе уголья знаменуютъ грозное пламя, дуновение—вѣтръ, ножъ—громовую сѣкиру. Старинный поэтический языкъ называлъ огонь-молнію раскаленнымъ желѣзомъ, блестящею мѣдью и золотомъ (деньгами), а воду-дождь—виномъ, медомъ, молокомъ и масломъ; въ силу этого возникли разнообразныя врачевныя обряды. Чехи заставляютъ больныхъ дѣтей глотать во имя Св. Троицы три уголька, а чтобы вылѣчить скорбуть, берутъ воду въ которой кузнецъ охлаждалъ горячее желѣзо, намачиваютъ въ ней красный доскутъ и трутъ имъ дѣсны. На Руси раскаливаютъ дѣкрасна мѣднй пятакъ, опускаютъ его въ сосудъ съ холодной водою, и воду эту пьютъ по три раза въ день отъ лихорадки. Въмѣстѣ съ цѣлебными травами, нерѣдко кипятятъ въ водѣ золотыя, вѣнчальныя кольца, и потомъ поятъ или обливаютъ ею хвораго. Отъ горячки надѣваютъ на шею больного обручъ, снятый съ ведра окуриваютъ его стружками съ этого обруча, поятъ виномъ, настояннымъ на золѣ, и произносятъ заклятіе: «во имя Отца и Сына и Св. Духа! тетка-баба (=горлячка), отойди отъ раба божія (имярекъ).» Когда вино выпито, оставшеюся золою трутъ лице и грудь противъ сердца. Золотое кольцо—символь солнца, побора-

ющаго демоновъ мрака; снятый съ ведра обручъ—знаменіе дождевыхъ сосудовъ, разбиваемыхъ богомъ-громовникомъ. Отъ «криксы» купаютъ дѣтей въ кѹрникѣ на деревянномъ обручѣ. Если укуситъ человѣка бѣшеная собака, то стараются добыть клочъ ея шерсти и этою шерстью окуриваютъ нанесенныя ему раны. Бѣшеная собака есть воплощеніе дьявола; подобно тому, какъ небесныя молніи, пожигая облачное руно демоновъ, просвѣтляютъ омраченную ими природу, такъ и сожженная шерсть собаки удаляетъ мучительнаго бѣса и восстанавливаетъ поврежденное здравіе. Произнеся заклятіе, знахари трижды дуютъ на больного и сплевываютъ въ сторону. Слюна здѣсь—символь живой воды (дожда), точно также, какъ обдуваніе больного—символь вѣтра.

Если слову человѣческому и слюнкѣ дана власть прогонять нечистыхъ духовъ, уроки и недуги, то естественно, что языкъ, какъ орудіе слова и метафора молніи, долженъ былъ получить чародѣйную силу слизывать всякую хворь. И дѣйствительно, знахари, умывая больного «наговорной» водою, лижутъ ему лицо до трехъ разъ, и за каждымъ разомъ сплевываютъ на землю; т. е. сбрасываютъ, вмѣстѣ съ слюною, слизанную языкомъ болѣзнь. Въ Саратовской губ. противъ лихорадки призывается помощь богини Зори: «Зоря-Зоряница, красная дѣвица! избавь раба божія (имярекъ) отъ матухи, отъ знобухи, отъ летучки, отъ гнетучки, отъ всѣхъ двѣнадцати-трясавиць.» Вслѣдъ за произнесеніемъ этого заговора, слизываютъ недугъ крестообразно со лба, подбородка и щекъ больного, сплевываютъ нѣземь. Нерѣдко слова лѣчебнаго заклятія сопровождаются очерчиваніемъ около больного круговой черты, дабы злой духъ болѣзни не могъ переступить за этотъ зачарованный кругъ. Народные заговоры сдѣлаются для насъ вполне понятными только тогда, когда будутъ разгаданы и объяснены всѣ древнѣйшія метафоры, на которыхъ зиждется ихъ цѣлебное значеніе. Вотъ на примѣръ, заговоръ отъ болѣзни усовей, любопытный

по своимъ мифическимъ указаніямъ: «Есть море золото, на золотѣ морѣ золото древо, на золотѣ древѣ золоты птицы-носы и ногти желѣзные, деруть-волочатъ отъ раба божія (усови) на мхи на болота. Есть море золото, на золотѣ морѣ бѣль камень, на бѣлѣ камни сидитъ красная дѣвица съ палицею желѣзною, тепеть, обороняетъ, отлучаетъ отъ раба божія усови на мхина болота. Есть море золото, на золотѣ морѣ золото корабль, на золотѣ караблѣ ѣдетъ святой Николай, отворяетъ морскую глубину, поднимаетъ желѣзные врата, а зилучаетъ отъ раба божія усови аду въ челюсти.» Злой духъ болзни прогоняется во мхи-болота и въ адъ. Море—поэтическое названіе неба; эпитетъ «золотой», данный этому морю, означаетъ свѣтлый, озаренный лучами солнца. Дерево и корабль—метафоры тучи, бѣль камень—метафора солнца. На деревѣ-тучѣ сидятъ золотыя птицы съ желѣзными когтями и клювами, т. е. молніи, острыми стрѣлами которыхъ и разится нечистая сила болзни; подобно тому на солнечномъ камнѣ воссѣдаетъ красная дѣвица Зоря, богиня весеннихъ грозъ и плодородія, и гонитъ демона желѣзною палицею; а на караблѣ облакъ плыветъ Николай угодникъ, замѣняющій собой Перуна: онъ отворяетъ морскую глубину (—дождевыя тучи) и низвергаетъ демона въ челюсти ада. Итакъ изгнаніе болзни совершается при содѣйствіи громовника: какъ обновитель природы, побѣдоносный врагъ зимы=смерти и творецъ весенней жизни, онъ исцѣляетъ и всѣ недуги *).

*) Изъ всего сказаннаго понятно, почему такъ долго удерживается въ массахъ простаго народа довѣріе къ знахарямъ и ихъ врачевнымъ пособіямъ и отвращеніе отъ научной медицины. За первыхъ стоятъ исконныя преданія, крѣпко-сросшіяся съ роднымъ словомъ, а слѣдовательно и съ самыми убѣжденіями человека. До сихъ поръ поселене охотѣе прибѣгаютъ къ помощи своихъ знахарей и ворожеекъ, а лѣкарства, даваемые официальными врачами, называютъ «погаными.» Вмеѣстѣ съ этимъ, приведенныя свѣдѣнія убѣдительно доказываютъ, какъ несостоятельна, ничтож-

Повальные болѣзни, отъ которыхъ гибнутъ цѣлыя поколѣнія людей и животныхъ, отождествлялись въ языкѣ и вѣрованіяхъ съ представленіемъ Смерти: измереть—въ областномъ словарѣ: исхудать, исчахнуть, подмереть—завянуть, засохнуть, отощать замирать—захворать, морной—тощій (заморенный), морная корова—падежъ рогатаго скота, помора—отрава; пропадать—болѣть, чахнуть, пропадіи или пропастина—мертвечина, стерво; пропасть—адская бездна, погибель, смерть и гниющій трупъ. Германцы эпидеміямъ давали названія: *der grosse töd*, Сканд. *svarti daudhi*, Дат. *sorte död*=*der schwarze tod*, а Славяне: черная смерть или немочь. Когда туманныя испаренія и гнетущая духота зноя отравляютъ воздухъ—внезапно появляется зараза, и направляя путь свой чрезъ населенныя мѣстности, похищаетъ жертвы за жертвами. Въ качествѣ богини Смерти и согласно съ грамматическимъ родомъ присвоенныхъ ей названій, зараза олицетворяется въ образѣ миѣической жены; лат. *pestis*, лат. *lues*, нѣм. *die pest*, серб. куга (сравни ниже и верхне-нѣм. *koghe*, *koge*) и мѣрија, рус. чума (*džuma*), язва, свирѣпица (Черниг. губ.)—женскаго рода, и хотя, рядомъ съ этими названіями, у насъ, Чеховъ и Поляковъ употребляется еще слово моръ (литов. *moras*, лат. *merhis*), но въ поэтическихъ

на и часто положительно-вредна народная медицина: лѣчить глаза искрами огня, заставлять отъ воспалительныхъ болѣзней ѣсть сусальское золото, сажать ребенка въ жарко-нагретую печь и тому подобныя средства, конечно, не могутъ быть признаны за полезныя. Нельзя отвергать, что знахарямъ доступны нѣкоторые знанія цѣлебныхъ травъ, кореньевъ и другихъ снадобій, на которыя случайно набрелъ наблюдательный умъ нашихъ предковъ; но объѣмъ этихъ знаній весьма ограниченъ, и притомъ они такъ спутаны съ многочисленными суевѣіями, что намъ кажется совершенно-неумѣстнымъ то наивное сожалѣніе о расколѣ, существующемъ между ученою и народною медициною, какое, еще недавно высказывалось представителями такъ называемой «русской науки.»

сказаніяхъ оно уступаетъ женскимъ формамъ. Завися отъ воздушныхъ перемѣнъ и климатическихъ условій, моровая язва, какъ и другія болѣзни, признавалась существомъ стихійнымъ, шествующимъ въ вихряхъ («повѣтріе») и владѣющимъ огненными, молніеносными стрѣлами. По указанію народнаго повѣрья, приведеннаго Я. Гриммомъ, она несется какъ синеватый паръ въ видѣ облака — «als blauer dunst in gestalt einer wolke».

Свидѣтельство Гомера о моровыхъ стрѣлахъ Аполлона совпадаетъ съ славянскими преданіями: общепринятія въ Русскомъ языкѣ названія зараза (отъ разить) и язва указываютъ на раны, наносимыя острымъ оружіемъ болѣзни. Кроаты представляютъ чуму (гиргу) злою фуріей, легкою какъ молнія; по разсказамъ Болгаръ, она—вѣчно-озлобленная, черная жена, посылающая на людей и животныхъ огненныя, ядовитыя стрѣлы. Создавши ее, Христосъ сказалъ: «иди и мори человѣческой родъ; а чтобы ты не страшилась никого—даю тебѣ лукъ и стрѣлы». Болгары видятъ въ ней существо, родственное съ облачными дѣвами, и называютъ ее чума-самодива или юда-самовила; самодивы и самовилы соотвѣтствуютъ нѣмецкимъ эльфамъ, и подобно имъ, различаются на добрыхъ и злыхъ (свѣтлыхъ и темныхъ). Приближаясь къ городу или деревнѣ, Чума точитъ свои стрѣлы, и кому случится на ту пору выйти въ поле—въ того и стрѣляетъ; а затѣмъ уже входитъ въ самое село или городъ. Отъ того первые заболѣвающіе страшнымъ недугомъ бываютъ пріѣзжіе и странники. Наравнѣ съ эльфами и вѣдмами, Чума можетъ оборачиваться кошкою, лошадыю, коровою, птицею и клубкомъ пряжи; гдѣ она показется—тамъ начинаютъ выть собаки, туда прилетаетъ воронъ или филинъ, и садясь на кровлю, крикомъ своимъ предвѣщаетъ бѣду. Чехи и Малоруссы разсказываютъ, что Смерть, принимая видъ кошки, царапается въ окно, и тотъ, кто увидитъ ее и впуститъ въ избу, долженъ умереть въ самое короткое время.

Южные Славяне увѣряютъ, что во время чумы пѣтухи хрипнутъ и замолкаютъ, а собаки теряютъ способность лаять и только ворчатъ и съ визгомъ бросаются на ужасную гостью. Одинъ крестьянинъ спалъ на стогу сѣна; пробужденный шумомъ, онъ увидѣлъ огромную женщину, въ бѣлой одеждѣ (=въ саванѣ), съ растрепанными волосами, которая бѣжала отъ стаи собакъ; она вскочила на лѣстницу, приставленную къ стогу, и стала дразнить собакъ ногою. Крестьянинъ узналъ Чуму, подкрался сзади и столкнулъ ее съ лѣстницы; Чума погрозила ему пальцемъ и исчезла, и хотя онъ остался въ живыхъ, но съ той самой минуты безпрестанно дергалъ ногою. Извѣстно, что громовые раскаты уподоблялись крику пѣтуха и колокольному звону, и что вслѣдствіе этихъ метафоръ пѣтухъ возгласомъ своимъ прогоняетъ нечистую силу, а отъ звона колоколовъ разсѣваются темныя тучи и уstraшенные демоны; эльфы и вѣдьмы спѣшатъ сокрыться въ дальнія страны. Вмѣстѣ съ этимъ пѣтушій крикъ и колокольный звонъ признаны были за цѣлебное средство противъ болѣзней, особенно противъ лома въ рукахъ, падучей, холеры и вообще всякаго повѣтрія. «Я слышу (читаемъ въ чешскомъ заговорѣ)—звучать колокола, поютъ св. ангелы, и ты, гѣѣе, должна удалиться!» Сверхъ того, въ завываніи грозовой бури арійскія племена слышали лай небесныхъ псовъ, сопутствующихъ богу громовъ и вихрей въ его дикой охотѣ; по народному убѣжденію собака одарена чрезвычайно-тонкимъ чутьемъ и острымъ зрѣніемъ: она узнаетъ присутствіе нечистыхъ духовъ, чувствуетъ приближеніе Чумы и Смерти и кидается на нихъ, какъ вѣрный стражъ домохозяина и его семьи. Когда собака воетъ—это считается знакомъ, что она видитъ Смерть. Отсюда возникли повѣрья, что Чума боится собакъ, что у пѣтуховъ она отнимаетъ голосъ и вырываетъ хвосты, и что тамъ, гдѣ владычествуетъ нечистая сила смерти=зараза, уже не раздаются ни пѣтушій крикъ, ни собачій лай. Согласно съ этимъ, вышеприведенные малорусскіе заговоры отсылаютъ сестеръ-лихорадокъ и другія болѣзни въ

тѣ пустынные страны, гдѣ не слышится ни пѣнія пѣтуховъ, ни лая собакъ, ни церковнаго звона, т. е. собственно въ царство тучъ, оцѣвѣнныхъ холоднымъ дыханіемъ зимы (=въ вертепы сѣвернаго ада).

Разсказываютъ также, что Чума не любитъ кошекъ и при удобномъ случаѣ убиваетъ ихъ; эта враждебность объясняется страхомъ передъ богиней Фреею, которая выѣзжала на кошкахъ, участвовала въ дикой охотѣ и поборала демоновъ. Въ давнее время, по словамъ Болгаръ, кошка была старшею сестрою Чумы и часто била ее; теперь же, при появленіи моровой язвы, кошки прячутся отъ нея въ пещахъ. Любопытно, что Чехи, для излѣченія дѣтей отъ сухотки, купаютъ ихъ въ ключевой водѣ, вмѣстѣ съ собакою или кошкою. Въ большей части земель, заселенныхъ славяно-литовскимъ племенемъ, моровая язва олицетворяется женщиною огромнаго роста (иногда на ходуляхъ), съ распущенными косами и въ бѣлой одеждѣ; она разъѣзжаетъ по свѣту въ повозкѣ или заставляетъ какого-нибудь человѣка носить себя по городамъ и селамъ; своею костлявою рукою она вѣетъ на всѣ на четыре стороны краснымъ (кровавымъ) или огненнымъ платкомъ—и вслѣдъ за взмахомъ ея платка все кругомъ вымираетъ. Былъ жаркой день; русинъ сидѣлъ подъ деревомъ. Приблизилась къ нему высокая женщина, закутанная въ бѣлое покрывало. «Слыхалъ ли ты про Моровую язву? сказала она; это—я сама. Возьми меня на плечи и обнеси по всей Руси; не минуй ни одного села, ни города; я должна вездѣ заглянуть. Кругомъ тебя будутъ падать мертвые, но ты останешься невредимъ.» Затѣмъ она обвилась длинными, исхудалыми руками вокругъ шеи русина, и бѣднякъ пошелъ съ своею страшною ношею, не чувствуя ни малѣйшей тяжести. На пути лежало мѣстечко, гдѣ раздавалась музыка, и весело, беззаботно пировалъ народъ; но Чума повѣяла своею хусткою—и веселье исчезло: стали рыть могилы, носить гробы, кладбище и улицы наполнялись трупами. Гдѣ ни проходилъ русинъ, всюду богатые города и деревни превра-

щались въ пустыни; блѣдные, дрожащіе отъ страха жители разбѣгались изъ домовъ и въ мучительныхъ страданіяхъ умирали въ лѣсахъ, поляхъ и по дорогамъ. Наконецъ добрался онъ до своего роднаго села; здѣсь проживали его старушка-мать, любимая жена и милыя дѣти. Отчаянье и жалость овладѣли душою несчастнаго; онъ рѣшился утопить и себя и Чуму, ухватилъ ее за руки, и обойдя село, бросился вмѣстѣ съ нею съ крутаго берега въ волны Прута; самъ онъ утонулъ, но Моровая язва не могла погибнуть: съ легкостью стихійнаго существа она поднялась изъ воды и, напуганная отважною смѣлостью человѣка, убѣжала въ лѣсистыя горы. На Украинѣ существуетъ клятва: «а щобъ на васъ чума насіла!» Лужицкая *Smertnica* (богиня смерти) ходитъ по деревнямъ въ бѣломъ платьѣ, и куда бы ни направила свои стопы—тамъ непременно кто-нибудь умираетъ; Чехи называютъ ее *Smrtnice*, *Smrtná žena*: она облекается въ бѣлую или черную одежду, голову покрываетъ шляпою съ бѣлымъ перомъ, и бродитъ подъ окнами дома, гдѣ въ скоромъ времени долженъ быть покойникъ. По сказаніямъ Сербовъ, Куга—«жива жена завѣшена бижелом марамом»; есть преданіе, что у ней козьи ноги. Блуждая по вечерамъ отъ одной избы къ другой, она останавливается подъ окнами и пускаетъ внутрь жилья свой злочестивый духъ, отчего и погибаетъ все семейство. Многіе видѣли ее собственными очами, а нѣкоторымъ случалось носить ее. Встрѣтивъ человѣка на дорогѣ или въ полѣ, а иногда являясь къ нему въ избу, она говоритъ: «я самъ Куга, веѣ хадѣ да ме носишъ тамо и тамо!» За такую услугу она обѣщается пощадить какъ его самого, такъ и всѣхъ близкихъ ему родичей. Тотъ, кто носитъ Кугу, или вовсе не чувствуетъ усталости, или изнемогаетъ подъ тяжелымъ, сильно-гнетущимъ бременемъ. Та же басня извѣстна и въ Бретани: въ одной пѣснѣ разсказывается о мельникѣ, который перевѣзъ на конѣ черезъ рѣку бѣлую женщину, а по другому варіанту—онъ перенесъ ее на собственныхъ плечахъ. «Знаешь ли ты, кого перевѣзъ?» спросила она;

я—Чума. Мой обходъ по Бретани оканчивается; теперь я пойду въ церковь, и кого только коснется мой посохъ—тотъ немедленно долженъ умереть; но ты не бойся! тебѣ и твоей матери я не сдѣлаю никакого вреда». Слова эти оправдались на дѣлѣ: всѣ обыватели померли, исключая двухъ—старой вдовы и ея сына.

Припомнимъ, что духи болѣзней ѣздятъ на своей жертвѣ и что, по свидѣтельству сказки, Богъ осудилъ нѣкогда солдата носить на плечахъ голодную Смерть. Въ Литвѣ чуму и вообще всякую повальную болѣзнь называютъ Моровой дѣвою; показываясь въ деревнѣ, она обходитъ домъ, просовываетъ руку въ окно или дверь и махаетъ краснымъ платкомъ, навѣвая на хозяевъ и домочадцевъ смертельную заразу. При ея появленіи, жители запираются въ своихъ избахъ, не открываютъ ни оконъ, ни дверей, и только совершенный недостатокъ припасовъ и голодъ заставляютъ ихъ нарушать эту предосторожность. Въ старые годы жилъ-былъ шляхтичъ; рѣшившись пожертвовать собою для общаго блага, онъ взялъ саблю и сѣлъ у нарочно-открытаго окна; какъ только Моровая дѣва протянула въ окно руку, шляхтичъ ударилъ саблею и отрубилъ ей кисть. Самъ онъ умеръ, померло и его семейство, но съ той поры язва уже не показывалась въ этой мѣстности. Подобное же преданіе уцѣлѣло и въ памяти Русскаго народа: храбрый казакъ отрубилъ руку вѣдьмы, которая дѣйствовала также губительно, какъ моровая язва; въ глухую полночь являлась она вся въ бѣломъ, отворяла окно избы, просовывала руку съ кропиломъ и начинала кропить въ разныя стороны, а къ утру вымирала вся семья. Въ ниже-нѣмецкой сагѣ Смерть заглядываетъ въ окно, и на кого упадутъ ея взоры—тотъ дѣлается добычею могилы. Разсказываютъ еще, будто Моровая дѣва, одѣтая въ бѣлое платье, объѣзжаетъ города и села на высокой колесницѣ; останавливаясь передъ домомъ, она махаетъ платкомъ и спрашиваетъ: «что дѣлаете?» Если ей отвѣчаютъ: «Бога хвалимъ!»—то она не касается никого изъ живущихъ

идеть далѣе, произнося угрюмымъ голосомъ: «хвалите Его присно и во вѣки вѣковъ!» А если на вопросъ Моровой дѣвы скажутъ: «спимъ!»—то она изрекаетъ смертный приговоръ: «спите-же вѣчнымъ сномъ!» Въ этихъ суевѣрныхъ сказаніяхъ поселянъ Мицкевичъ угадалъ свѣжія, никогда-нестарѣющія поэтическія краски, и съ талантомъ истиннаго художника воспользовался ими въ слѣдующихъ стихахъ: *Morowa dziewczica*.

*w bieliznie, z wiankiem ognistym na skroniach,
czoljem przenosi bialjowieskie drzewa,*

a w reku chustka skrwawiona powiewa.

Dziewica stapa kroki zljowieszczemi

na siolja, zamki i hogate miasta;

a ile razy krwawa chustka skinie,

tylę palaców zmienia się w pustynie;

gdzie noga stapi świeży grób wyrasta.

У Гримма указана литовская клятва: «*kad tawe Giltine pasmaugtu!*»—чтобъ тебя Чума удушила! По своему стихийному характеру, богиня смерти и Чума роднятся въ преданіяхъ Литовцевъ съ облачной женою—лаумой, о которой увѣряютъ, что она рядится въ различныя одежды: если лаума надѣваетъ зеленое платье—это предвѣщаетъ хорошій урожай—роскошную зелень на лугахъ и нивахъ; если она показывается въ красномъ платьѣ—это предвѣщаетъ жестокую войну—убійства и пролитіе крови, а если въ черномъ—это знаменуетъ приближеніе голода и мора. Поляки увѣряютъ, что Моровая дѣва разъѣзжаетъ въ дву-колесной повозкѣ; а Лужичане рассказываютъ о невидимой колесницѣ, которая съ грохотомъ носится по улицамъ въ двѣнадцать часовъ но́чи, и въ томъ домѣ, возлѣ котораго она остановится, непременно кто-нибудь да сдѣлается добычею смерти. Поѣздъ Чумы въ Подоліи называютъ гоминъ—слово, означающее—громкій говоръ, неистовые звуки, шумъ завываніе бури. Потерявъ во время моровой язвы жену и дѣтей, русинъ покинулъ свою хату и ушелъ въ лѣсъ; къ вечеру онъ развелъ огонь, помолился Богу и заснулъ. Въ самую полночь его разбудилъ страшный

шумъ: издали неслись нестройные, дикіе клики, слышались дудки и звонъ бубенчиковъ. Голоса приближались, и вскорѣ видно было, что по дорогѣ тянется гоминъ. На высокой черной колесницѣ ѣхала Чума, сопровождаемая толпою чудовищъ, стаею совъ и нетопырей. Свита ея съ каждымъ шагомъ болѣе и болѣе умножалась, потому что все, что ни попадалось на пути, даже камни и деревья превращались въ чудовищныя привидѣнія и приставали къ поѣзду. Когда гоминъ поровнялся съ разведеннымъ костромъ, Чума затинула адскую пѣсню. Подолянинъ хотѣлъ было съ испугу ударить въ ближайшее къ нему привидѣніе топоромъ, но и топоръ вырвался изъ его рукъ, превратился въ живое существо на козлыхъ ногахъ и понесся вслѣдъ за демонскимъ сборищемъ. Подолянинъ упалъ безъ чувствъ, и когда очнулся—на небѣ уже сіяло солнце; платье его было изорвано въ лохотья, а топоръ лежалъ переломленный. Такимъ образомъ Чума, подобно древнимъ богинямъ, возсѣдаетъ на колесницѣ, и поѣздъ ея сопровождается бурей и привидѣніями, т. е. злыми духами и тѣнями усопшихъ—точно также, какъ, по германскому преданію, Одинъ—богъ, посылающій валькирій за душами убитыхъ героевъ, мчится во главѣ неистоваго воинства или дикой охоты, сопровождаемый демонами грозы и вихрей, мертвецами и костлявою Смертью. Это—поэтическое изображеніе опустошительной бури, вѣяніе которой несетъ губительную язву; все, что ни встрѣчается на пути, вихри ломаютъ и увлекаютъ въ своемъ стремительномъ полетѣ; адская пѣсня, звуки дудокъ и бубенчиковъ—метафоры воющихъ вѣтровъ; Смерть, какъ мы видѣли, сама представлялась музыкантомъ. По свидѣтельству нѣмецкихъ сказаній, Гелла ѣздитъ въ колесницѣ или на треногомъ конѣ т. е. въ грозовой тучѣ, и шлетъ на божій міръ заразу; поражая людей, она схватываетъ души и навьючиваетъ ими своего коня. О смертоносномъ дѣйствіи моровой язвы выражаются: «die HELL ist verjagt», а когда

захворавшій этою болѣзною выздоровѣть о немъ говорить: «er hat sich mit der HELL abgefunden» (онъ раздѣлся съ Геллою). Богиня смерти, слѣдовательно, является въ качествѣ охотника, ловнаго христіанскихъ душъ; подобно Одину въ его бурныхъ полетахъ, она въ нѣкоторыхъ сагахъ выступаетъ на борьбу съ жизнію въ сопровожденіи большого воинства; за ней слѣдуютъ свита и слуги, несущіе ея знамя и оружіе. Финны надѣляютъ Чуму конемъ и колесницею; а наше лѣтописное свидѣтельство утверждаетъ, что тѣ незримые духи (навье), которые избивали полочанъ, ѣздили на коняхъ. Сербы знаютъ не одну, а нѣсколько моровыхъ женъ, рожденныхъ отъ демона и обитающихъ за моремъ: «Куге имају преко мора своју земљу, гдѣ само оне живе, па их Бог пошље амо (кад људи зло раде и много гријеше) и каже им—колико ће људи поморите.» Обыкновенно насчитываются три сестры-Куги. Во время чумы поселяне не рѣшаются оставлять до утра немытой посуды, ибо Куга приходитъ ночью въ избу, и если найдетъ немытые блюда и ложки, то отравляетъ ихъ; въ этомъ повѣрьи она сближается съ богиней Гольдою, царицею нерожденныхъ и усопшихъ душъ, которая не терпитъ безпорядка въ домахъ и наказуетъ нерадивыхъ слугъ и хозяевъ. Чтобы сойдти на землю, Кугѣ приходится переплывать воздушное море. Отсюда возникли рассказы, что на пути своемъ она переправляется черезъ рѣку. Колесница Чумы замѣняется иногда ладьею, въ которой эта злобная дѣва, исполняя обязанность Харона или архангела Михаила, увозитъ души умершихъ. Когда въ царствованіе Юстиніана свирѣпствовала чума, то на морѣ видѣли мѣдную барку; въ ней сидѣли черные мужи безъ головъ, и куда направляли они свой путь, тамъ немедленно начиналась язва. По хорутанскому преданію, Куга переѣзжала на ладѣ черезъ рѣку Саву. Въ замѣну платка, которымъ вѣетъ Моровая дѣва, германскія преданія говорятъ о вѣникѣ: этотъ платокъ—метафора бурнаго облака, а вѣникъ—необходимый атрибутъ вѣдмы, символъ вихря, нагоняющаго туманы и ту-

чи. Въ Норвегіи Pesta, тощая, блѣдная старуха, ходитъ по землѣ съ граблями и вѣнникомъ; гдѣ она дѣйствуетъ первымъ орудіемъ—тамъ еще остаются нѣкоторые въ живыхъ, ибо грабли не все дѣлочно загребаютъ, а гдѣ мететъ вѣнникомъ—тамъ рѣшительно всѣ вымираютъ; часто она появляется въ красномъ платьѣ. Шведскія саги рассказываютъ о Моровой дѣвѣ (Pestjungfrau), что впереди ея идетъ крошечный и прекрасный мальчикъ (=эльфъ) съ желѣзными граблями (rifva—reibesen), а сама она выступаетъ съ вѣнникомъ, и что остается въ живыхъ отъ ея передоваго спутника, то все подметаетъ безжалостной рукою.

Мифическія представленія, соединяемыя съ моровою язвою, распространяются и на холеру, и на скотскій падежъ. На Руси холеру представляютъ старухою, съ злобнымъ, искаженнымъ страданіями лицомъ. Въ Малороссіи увѣряютъ, что она носитъ красныя сапоги, можетъ ходить по водѣ, безпрестанно вздыхаетъ и по ночамъ бѣгаетъ по селу съ возгласомъ: «була бида, буде лыхо!» Гдѣ она остановится переночевать, въ томъ домѣ не уцѣлѣетъ въ живыхъ ни единого человѣка. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ думаютъ, что холера является изъ за моря, и что ихъ три сестры, одѣтыя въ бѣлыя саваны. Однажды мужикъ, отправляясь на базаръ въ городъ, подвѣзъ съ собою двухъ сестеръ-холеръ; онѣ сидѣли на возу, держа на колѣняхъ узелки съ костями; одна изъ нихъ отправлялась морить людей въ Харьковъ, а другая—въ Курскъ. Сходно съ этимъ, новогреческое сказаніе упоминаетъ о трехъ страшныхъ женахъ, которыя странствуютъ вмѣстѣ по городамъ и селамъ и караютъ жителей моровою язвою: одна носитъ длинный свитокъ, гдѣ записаны имена приговоренныхъ къ смерти; другая—ножницы, которыми наноситъ людямъ смертельные удары; а третья—вѣникъ, которымъ сметаетъ съ лица земли все живое. Очевидно, что эти три моровыя жены, сербскія три куги и наши три сестры-холеры, тождественны съ древними парками, эвменидами и фуріями. Болгары утверждаютъ, что Чума и повальная

Оспа, являясь по ночамъ, читаетъ по книгѣ: кто долженъ умереть и кто выздороветь. О чумѣ рогатаго скота русскіе поселяне рассказываютъ, что это безобразная старуха, у которой руки съ граблями; она называется Коровья или Товаряча Смерть, *) и сама рѣдко заходитъ въ сѣла, а болѣею частію ее завозятъ. Показывается она преимущественно осенью и ранней весною, когда скотина начинаетъ страдать отъ безкормицы и дурной погоды. Въ февралѣ-мѣсяцѣ, по мнѣнію крестьянъ, Коровья Смерть пробѣгаетъ по селамъ—чухлая и заморенная. Чтобы прогнать ее въ лѣса и болота, совершается торжественный обрядъ опахиванія, т. е. около селенія обводится круговая, со всѣхъ сторонъ замкнутая черта, черезъ которую Чума не въ силахъ переступить. Обрядъ этотъ употребляется и противъ холеры. Я. Гриммъ сообщаетъ слѣдующій рассказъ: «Встрѣтила Чума крестьянина и попросила ядовести себя; узнавши дорогою свою спутницу, крестьянинъ сталъ молить о собственной пощадѣ, и Чума научила его обѣжать нагишомъ вокругъ своего дома и закопать у порога желѣзный крюкъ. Въмѣсто того, крестьянинъ обѣжалъ вокругъ всей деревни, а желѣзо закопалъ при самомъ ея вѣздѣ. Язва страшно свирѣпствовала въ окрестностяхъ, но не могла проникнуть въ деревню, огражденную невидимою чертою и желѣзнымъ запоромъ.» Коровья Смерть рѣдко принимаетъ на себя образъ черной собаки или коровы, и разгуливая между стадами, заражаетъ скотъ. У насъ ее называютъ Морцою коровою, въ Шлезвигъ-Голштейнѣ—Kuh tod и Viehschelm; въ Ирландіи рассказываютъ о быкѣ-эльфѣ (elfstier), который осенью приходитъ на сжатые поля и смѣшивается съ деревенскими стадами. У Словенцовъ чума рогатаго скота олицетворяется пестрымъ теленкомъ: своимъ мычаньемъ этотъ оборотень умерщвляетъ коровъ и овецъ. Въ Томской губ. сибир-

*) Товаръ—рогатый скотъ.

ская язва представляется въ видѣ высокаго, мохнатого челоуѣка, съ копытами на ногахъ; онъ живетъ въ горахъ и выходитъ оттуда, слыша клятвы: «язви те!» «пятнай те!» *).

А. АѲАНАСЬЕВЪ.

*) У Болгаръ существуетъ повѣрье, что Чума или Оспа, желая удалиться изъ деревни, является кому во снѣ и требуетъ, чтобы онъ проводилъ ее въ такую-то сторону. Избранный въ проводники беретъ хлѣбъ, намазанный медомъ, нѣсколько соли и штофъ вина; утромъ, передъ восходомъ солнца, онъ идетъ на указанное мѣсто, какъ-бы сопутствуя незримой странницѣ, и тамъ оставляетъ хлѣбъ, соль и вино. Послѣ того болѣзнь прекращается—Ж. М. Н. П. 1846, XII, 212.

